

Борис Тураев

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Введение

Один из наиболее замечательных памятников египетской письменности, приобретённый и разработанный нашим соотечественником, В. С. Голенищевым, влагает в уста князя финикийского города Библа следующие слова: «Амон устроил все земли, устроенные им, но землю Египетскую — раньше других. И искусство вышло из неё, и учение вышло из неё, чтобы дойти до места, где я пребываю». Этот князь конца XII в., указывавший тщательно египетскому путнику на свою независимость, открыто признаёт в эту эпоху политического упадка Египта его культурное и духовное первенство и свидетельствует о великой роли Нильской долины в истории цивилизации. В этом отношении классические писатели, возводившие к Египту и свою науку, и философию, и религию, считавшие его седалищем высшей премудрости, где учились их мудрецы и государственные деятели, не сказали ничего нового — они повторили то, что выразил финикийский царёк. И новая Европа, ещё не получив доступа к иероглифическим памятникам и

жадно стремясь получить его, предвкушала вычитать в них разрешение волновавших её вопросов и новое откровение. Действительность как будто обманула это ожидание: вместо великих богословских и философских откровений оказались трескучие царские надписи, монотонные гимны богам, бесконечные и бесчисленные, притом бессмысленные магические формулы, эмпирические и весьма приблизительные научные выкладки, да сказки иногда довольно легкомысленного содержания. Разочарование было велико, особенно когда со стороны раздался лозунг «Babel und Bibel» и когда болезнь панвавилонизма грозила свести великую нильскую цивилизацию на одну из областей излучения азиатской двуречной. Но египтология выдержала это испытание. Новые находки и более тщательное изучение памятников ведут к реабилитации Египта, и великому народу берегов священной реки снова усвоится великая роль в создании нашей цивилизации. Действительно, какую бы сторону нашей жизни мы ни взяли, исследование её истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности, европейского искусства, многих явлений нашей религиозной жизни и быта. Египет — родина архитектурных форм колонны, базилики; он же создал наши иконы и монашество, к его

иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками, в нём следует искать исходный пункт распространения многих сюжетов и мотивов наших сказок. Росписи стен, выродившиеся в наши обои, флаги, выкидываемые на мачтах в праздники, весы на изображениях страшного суда, представления апокрифического характера о загробных чудовищах и вратах, различные средства народной медицины и многое иное, разнообразное и иногда неуловимое, может быть объяснено только как наследие великой культуры, накопившей и развивавшей своё духовное достояние в течение тысячелетий.

Географические условия, среди которых возникла и развилась эта цивилизация, представляют интересное взаимодействие африканского материка и двух океанов. Узкая вытянутая долина Нила окружена с трёх сторон пустынями; она как бы погребена между Сахарой и близкой к ней географически Аравией, что в связи с подтропическим положением должно было бы обусловить исключительно знойный климат. Но истоки Нила лежат на высоком обширном плоскогории экваториальной Африки, покрытом сетью больших озёр, где пары Индийского, отчасти и Атлантического океана, сгущаясь на прохладных лесистых и водных поверхностях, дают обильные

периодические дожди на Абиссинском плоскогории и постоянные в области экватора. Последние питают могучий Белый Нил, первые, вместе с тающими снегами, переносят чрез Собат и Атбару с её притоками и бурный Голубой Нил огромные массы воды, дробящей гранитные скалы и несущей строительный материал, который отлагается в течение тысячелетий в Нильской долине. У Хартума воды эти смешиваются с Белым Нилом, который несёт в Египет огромное количество продуктов гниения растительных элементов из болот экваториальной Африки. Из соединения пластического материала, приносимого с абиссинских гор, с этими растительными частицами и получается тот ил, который создал Египет и даёт ему плодородие, в то время как масса воды, приносимая Белым Нилом, не даёт ему иссякнуть и растеряться в песках пустыни. Шесть порогов в Нубии и пять в верхнем течении Белого Нила являются важными регуляторами вод могучей реки — без них разливы были бы слишком быстры и кратковременны. И роль пустыни, как фактора географической среды, также должна быть отмечена. «Действуя большую часть года как гигантский огненный костёр, песчаная пустыня устанавливает летом грандиозную тягу вертикального воздушного столба, образуя над собою обширнейшую площадь низкого давления,

куда устремляется со всех сторон воздух соседних районов атмосферы с высоким давлением (Средиземное море) и, в силу этого, летом же устанавливается господствующий ток на Египет со стороны Средиземного моря... а так как ветры северных румбов дуют в году приблизительно около 300 дней, то ими, главным образом северным ветром, и определяется характер местного климата; он отличается в общем умеренностью температуры, умеренною влажностью необыкновенно прозрачного воздуха, безоблачным, тёмно-синим небом. Только весной устанавливается в Сахаре постоянный ток с юга, и чрез это в Египте дует почти около двух месяцев, начиная с марта и по конец апреля, горячий южный и юго-восточный ветер, перемежаясь иногда северным и восточным. С этого же времени начинает, также с перерывами, тянуть знойный пыльный юго-западный хамсин. Воздух в это время бывает пресыщен электричеством, по всей вероятности, существенно влияющим на накопление озона и окисей азота в атмосфере, увлекаемых затем обильными росами в верхние слои почвы. Начиная с июня и до конца февраля снова дуют или чисто северные, или, вообще, ветры северных румбов. Летом, осенью и зимой всё время продолжается разлив Нила, который начинается с июля, достигает максимума в сентябре и медленно опадает в продолжение всей

зимы, с тем, чтобы достигнуть самого низкого уровня в апреле, мае и июне. Благодаря особенно большим массам воды, заливающим во второй половине лета и осенью всю орошаемую площадь, в воздухе скопится много паров, и они, при господствующих прохладных северных ветрах, легко сгущаются в туманы по вечерам... Они нисколько не вредят растениям, наоборот, обогащают их аммоникальными солями... Во время преобладания ветров пустыни или смены ветров северных румбов восточными и южными уничтожаются все вредные для здоровья людей и животных последствия пресыщения почвы влагой и истребляются все малярийные скопления... Жаркие ветры пустыни, способствуя усиленному испарению, при условии свойств нильской почвы, весьма богатой железом и алюминием, принимать, вследствие испарения, порозное состояние, служат косвенной причиной усиленной нитрификации почвы и её быстреешего физического и химического выпевания. Господство северных ветров спасает также Египет от занесения песком, под которым он был бы бесследно схоронен, если бы господствующие ветры дули с пустыни. Наибольшая сила свежих, северных, умеренно-влажных ветров совпадает с максимальным периодом разлива и с частыми ночными туманами, чем широкая пелена воды

защищается от чрезмерных потерь чрез испарение. Стоило бы только ветрам пустыни дуть с такой же силой и постоянством, и тогда даже могучий Нил не в силах был бы дать и половины той влаги, какую он доставляет в настоящее время. Если бы направление ветров не было идеально благоприятно, как оно есть в действительности, то Египет, как страна культуры, был бы невымыслим... между тем едва ли многим приходит в голову, что своим торжеством Нил обязан именно той страшной пустыне, которая, казалось, готова поглотить его...» (Клингген. «Среди патриархов земледелия»). Роль ветров в жизни страны сознавалась и самими египтянами. Не говоря уже о постоянном пожелании «сладостного дуновения северного ветра» в сей жизни и будущей, мы находим у одного пророка, предвещавшего всякие беды: «южный ветер сблизится с северным, небо не будет с одним ветром».

Геологами уже написана история образования Нильской долины. Было время, когда её ещё не было, когда течение великой реки, встретив гранитные массы у Ассуана, пошло западнее по Ливийской пустыне, а морской залив доходил, вероятно, до Эсне. Чермное море образовалось только в начале четверичного периода и лишь к началу современного геологического периода Нил вступил в свою культурную роль. Климат в это

время в Египте был тропический; леса, растения и животные жарких стран изобиловали, но и в доисторическое время, судя по первобытным рисункам и остаткам, в Египте ещё водились львы, жирафы, слоны, носороги, произрастали многие растения, свойственные ныне только странам верхнего Нила.

Возможно, что и первобытное население Египта было однородным на всём протяжении долины, что обитатели юга постепенно двигались к северу по мере образования египетской части долины. По исследованию антропологов, тип египтян весьма сложный и явился результатом взаимодействия различных рас, и в этом отношении они подобны другим культурным народам. На первобытный африканский слой, вероятно, кочевой отложился в глубокой древности так называемый хамитский, выселившийся из Аравии, где вместе с тамошним населением он составлял так называемых прасемитов. Эта хамитская группа народов включает в себя население северной Африки, ливийцев, берберов, затем нубийцев, сомлийцев, бишаринов и других, отличаясь от негров и племён языков банту. По языку она находится в несомненном родстве с семитической, но в более отдалённой степени, чем различные части семитической ветви — между собою. Равным образом и отдельные представители хамитического

мира не обнаруживают этой степени близости, будучи расселены по более обширной территории, имея столь различные судьбы. Египтяне были единственным народом этого племени, создавшим мировую культуру и богатую литературу, которая к тому же на многие века отстоит от современных произведений народной словесности различных хамитских племён, изучаемых лингвистами и исследователями фольклора; у нас нет поэтому такого богатого материала для сравнительных исследований, какими мы располагаем при изучении семитического мира. Египетский язык, во всяком случае, обнаруживает наибольшую близость к семитическим и в грамматике, и в словаре, особенно в том, что корни состоят главным образом из трёх согласных, и гласные имеют лишь служебное значение для образования форм. И звуковой состав языка тот же. И близость эта увеличивается по мере того, как мы знакомимся с более древними стадиями развития языка, имевшего длинную и поучительную историю. Очевидно, Египет и потом продолжал питаться новыми переселениями с востока, усиливавшими в нём азиатско-семитический элемент. Это доказывается и другими сторонами культуры — религией и искусством: и там и здесь мы встречаем родственные черты с азиатской цивилизацией, развившейся в области двух великих рек.

Египетское иероглифическое письмо, несомненно возникшее уже на африканской почве, также указывает на родство создавшего его народа с семитами, оно принимает в соображение только согласные звуки и те полугласные, которые так характерны для семитизма. На азиатские отношения указывают и находимые уже в древнейших гробницах зёрна пшеницы и ячменя, а также виноград и священные деревья — сикомора и персея; последние южноаравийского происхождения и, может быть, косвенно указывают на путь, по которому происходили отчасти переселения, тем более, что на противоположном берегу Африки, в Самадийской области, египтяне помещали страну Пунт, с которой они издревле поддерживали сношения и жителей которой изображали подобными себе, не всегда даже причисляя их к враждебным иностранцам. Здесь же помещали они так называемую «Страну Бога», обитающего в атмосфере благовонных деревьев, смолы которых воскуряются в храмах. И Библия помещает родоначальника египтян Мисраима в потомство Хама вместе с представителями Пунта — Путом и Нубии — Кушем.

Если везде человек является сыном своей почвы, то в Египте влияние географической среды на население и его культуру было особенно могущественным. Оно претворило все этнические

элементы в одну цельную расу, стойкость которой вызывает удивление и которая до сих пор, несмотря на персидское, греческое, римское, византийское, арабское и турецкое владычество, сохраняет в большой чистоте свой физический тип и даже продолжает ассимилировать новых обитателей. Даже на животных распространяется эта ассимилирующая и претворяющая способность географических и климатических условий великой страны. Могущественны были их воздействия и на развитие культуры. Прежде всего они были школой государственности. Богатые дары Нила могут превратиться в величайшие бедствия, если к ним не приложить упорного и систематического труда. Нормальный уровень поднятия Нила — 16 футов; трёх футов нехватки достаточно для наступления голода, с другой стороны слишком быстрое, бурное и обильное половодье губительно для людей и животных. Вода половодья должна быть регулируема каналами, резервуарами и шлюзами, поддерживаться на известной высоте сооружениями; для сношений между населёнными местами должны быть устроены плотины и сооружены суда. Всё это обусловило раннее развитие гидротехники, землемерного дела и наблюдения неба для календарных вычислений, определяющих время наступления и хода разлива реки. Ежемесячный пересмотр границ полей,

заливаемых рекой, вызвал необходимость ведения точного измерения, записей, развитого чувства собственности, уважения к суду и закону. Всё это требовало дружного и согласного сотрудничества всего народа на всём протяжении от катаракта до устья, при условии всецелого подчинения сильной, располагающей безусловным авторитетом центральной власти. Египет стал родиной бюрократической абсолютной монархии, в которой личность государя была обожествлена и огромная часть народа состояла из крепостных.

Редкие контрасты природы и соприкосновение необычайно плодородной долины с бесплодной пустыней, быстрое чередование яркого света и тёмной ночи, смена ветров и периодов Нила наложили печать на религиозное мышление египтянина, развив в нём сначала космический, затем этический дуализм и сделав его особенно ревностным почитателем божества света, сначала чувственного, затем духовного. А когда он принял религию света Истинного, горы и пустыни, замыкающие его долину, сделались для него местом духовных подвигов и дали миру монашество, значение которого в культурной истории человечества ещё не поддаётся учёту. Необычайная сухость климата и почвы пустыни, особенно в Верхнем Египте, сохраняющая самые хрупкие предметы и подверженные тлению

вещества, содействовала особому направлению представлений о загробной участи, обусловила заботу о сохранении тел и вызвала исключительное среди других религий развитие интереса и учения о потустороннем мире.

Не менее тесна была зависимость от внешних условий и египетского искусства. Исключительная художественная одарённость великой нации была поставлена в особенно благоприятные условия развития. «Чудная долина вдоль гор пустыни. Вид вдаль по плоскости, ограниченной извивающимися линиями песчаных холмов и скалистых плоскогорий. К этому прозрачность и красочность воздуха, приближающая к глазу даль и оставляющая ограничивающей линии её остроту. В ландшафте простейшие контрасты равнины и высот без переходов; размеры, в которых исчезает всё мелкое. Эта природа, довольная только грандиозным, не давала искусству ничего подобного бесконечному богатству Греции и Италии — никаких холмов, гор, лесов и морских заливов, замкнутых долин, которые могли получить своё настоящее увенчание храмом, замком, театром или стадионом. На берегах Нила искусству были предоставлены лишь две возможности — подчинение или конкуренция. Египетское искусство избрало второе. Оно воздвигло колоссы, — и не только пирамиды, но и великие

храмы и сооружения на террасах. Этим оно обязало себя масштабом, который оказывал влияние до самых малых форм» (L. Curtius). Для осуществления этой задачи были обильные средства: Египетским царям и художникам не было необходимости, подобно вавилонским, снаряжать отдалённые экспедиции за строительным материалом — всё было в изобилии у них в стране. Область первого порога доставляла прекрасный гранит, далее к северу, особенно у Сильсилэ — песчаник, ещё дальше — известняк, также добывавшийся у Мемфиса в коях Моккатама, в Турре, Аяне, Масаре. Алебастровые копи находились в Среднем Египте у Хатнуба, другие твёрдые породы — в Хаммамате между городом Контом и Чёрным морем. Соседний Синай изобиловал бирюзой, малахитом и медью, примыкающая с юга Нубия — золотом. Доставка тяжёлого материала облегчалась Нилом, по которому он мог сплавляться уже в отдалённое время, так как египтяне рано начали строить суда. Реки были главным средством сообщения, до такой степени, что в египетском языке «плыть по течению» и «против течения» значило путешествовать на север и на юг даже тогда, когда дело шло о сухопутном путешествии и притом за пределами долины. Весьма характерно и то обстоятельство, что египтяне, окружённые

народами разнообразных цветов, стали весьма тщательно отмечать в искусстве расовые особенности, весьма удачно схватывали характерные признаки типов народов и впервые стали классифицировать расы по цвету кожи (система Блюменбаха). Любопытен и другой критерий, служивший у них для различения себя от соседних народов: в то время, как они питаются Нилом, вытекающим «из Преисподней» или из Океана, прочие народы получают воду из Нила, свергающегося с неба в виде дождя.

Придатком к Египту были многочисленные оазы (от египетского слова «уахет») Ливийской пустыни. Из них самый обширный и близкий к долине Нила, почти примыкающий к ней, — Фаюм, питаемый Бахр-Юсупом и заключающий в себе Меридово озеро, имел особое значение в эпоху Среднего царства и в поздние времена; у входа в него даже иногда были царские резиденции. На севере, у озёр, находящихся в подземном соединении с Нилом, лежит знаменитая Нитрия, производящая натр и сделавшаяся в христианское время местом монашеских подвигов; самый оаз назывался тогда Шиит (копты объясняли Шихит — «взвешивание сердца») — прототип греческого и нашего, ставшего нарицательным словом, «Скит». — Далее расположен ряд оазов — Кенем, или южный (ныне Эль-Харге), Джесджес, ныне

Эль-Дахлэ, Амоюв (ныне Сивэ), Северный (ныне Эль-Бахарийэ) и др. Существование их объясняют большею частью огромным подземным резервуаром воды, питающим их озёра и источники. Историческое значение их заключалось, главным образом, в передаче египетской культуры ливийским племенам, в общении её с пунической и греческой (в Киренаике), особенно в религиозной сфере — достаточно вспомнить ту роль, какую имел оракул Амона в Сивэ и то влияние, каким он пользовался во всём древнем мире — это была до известной степени выдвинутая нейтральная почва египетской цивилизации, где встречались богомольцы и вопрошатели со всего тогдашнего мира, откуда и Карфаген получил своего Ваала-Хаммона с рогами овна, и Александр своё признание, как сына Амона и земного бога. Оазы были колонизованы египтянами и составили одно целое с их страной уже в Фиванский период их истории, что очевидно из характера их культурных остатков и их культа Амона.

Глава I

Религия

Начиная с Геродота, египтян называют самым «богочестивым» народом, и это верно, с точки зрения того значения, какое имела в их жизни

религия и её предписания, перечисление которых «отец истории» и приводит в связи с этим наименованием. Но сама по себе египетская религия вызывала у современников не-египтян весьма различное отношение от благоговения и желания видеть в ней исходный пункт всех других религий до недоумения и иронии, особенно заметных у римлян, до отвращения, понятного в устах библейских пророков и законодателей. И в новой литературе эта отрасль египтоведения являлась долго пререкаемой: одни из учёных охотно признавали великие достижения египетской богословской мысли, другие видели в египетской религии лишь грубое африканское суеверие. В последнее время науке удалось встать на верный путь и разобраться в истории и характере египетской религии, но вопрос об её происхождении и первоначальных стадиях всё ещё остаётся неясным. Она — явление сложное, неоднородное и в пространстве, и во времени. Сложившись из местных культов, получив наслоения более высшего порядка, находясь в непрерывном историческом развитии и, в то же время, удерживая силу свойственного народу консерватизма свои пережитые стадии, особенно в массе населения, египетская религия должна быть рассматриваема и в географической, и в этнографической, и в исторической, и в бытовой

перспективе, и при таких условиях будут объяснимы и те противоречия, какие в ней усматривались ещё древними наблюдателями. Промежуточное положение между Африкой и Азией, сложный состав населения, историческое развитие, влияние физических, государственных и бытовых условий — всё это создало те контрасты, которые, существуя во всех религиях, в египетской оказываются наиболее яркими. Действительно, фетишизм, анимизм, культ животных — явления общие в них; особенно в последнем, по определению Вейссенборна, проявляются проблески сознания первобытным человеком мировой души. «Тёмное» представление говорит человеку, что во всей природе, не исключая его самого, действует нечто, что он не в состоянии непосредственно чувствовать и воспринять, но может посредственно наблюдать и видеть в действии природы, и отрицательную сторону чего ежедневно осязательно являет ему смерть в самых разнообразных формах. Непреодолимое стремление побуждает его изнутри попытаться схватить и постигнуть это нечто, ибо он чувствует, что он должен к нему стать в известное отношение, это нечто и наполняет его и действует в нём. Относительно наиболее ясным и осязательным представляется ему оно, сверх других явлений природы, в мире животных, с которыми его

связывает чувство общности жизненного начала, но которое, вместе с тем, вызывает удивление и ставит вопросы, обнаруживая поведение иное, чем у людей, и вызывая на внимательное наблюдение. Но первобытный не только египтянин, но и семит, не отличал строго животных от растений и неодушевлённых предметов; вся природа представлялась ему живой — и деревья, и камни, и даже обработанные предметы не только на заре его культуры, но и во время её расцвета считались носителями духа, получали имена и наделялись человеческими членами. Так, у них были фетиши в виде щита с перекрещивающимися стрелами или палицами, в виде столба с 4-мя перекладинами вверху, в виде меча или жезла, не говоря уже об обелисках, и священных предметах храмового или погребального употребления. Культ деревьев и животных, особенно распространённый в Африке, но далеко не чуждый и семитической Азии, в Египте не только удержался, но и рос во всё время их истории, и едва ли можно увидеть какой-либо вид животного царства из встречавшихся в долине Нила, который не был бы предметом почитания в какой-либо её области. Не довольствуясь этим, народная фантазия и жреческое умозрение изобрели ещё фантастических животных, служивших впоследствии, в виде сложных фигур, для выражения различных идей высшего порядка.

Так, птица с головой человека изображала воспарившую к небу разумную душу человека, сфинкс, представлявший соединение тела льва и головы человека, выражал соединение сил и мудрости в лице божества или царя и т. п. Но эти продукты умозрения резко отличаются от настоящих животных, для культа которых далеко не часто может быть подыскано удовлетворительное объяснение. Отдельные животные, деревья, фетиши были приурочены к тому или другому божеству, причём представления о последнем лишь в редких случаях могут быть приведены в связь со свойствами соответствующего животного и т. п. Если понятно, что высокопарящий могучий кобчик, сокол или фантастический феникс достаточно передают представление о боге солнца, что бык или овен выражают удовлетворительно идею плодородия хтонических божеств, что коровы уместны для сопоставления с богинями, то в целом ряде других случаев мы не можем привести и подобных объяснений. В настоящее время всё более и более находит себе последователей мнение, что африканский культ животных, найденных более высокой частью населения, переселившихся из Азии, был лишь механически сопоставлен с культом богов, принесённым этими пришельцами, равно как и фетиши и т. п. были распределены по

отдельным божествам большей частью в связи с местами культов. Дело в том, что в египетской религии первоначально различались местные божества от общепочитаемых, но и впоследствии «городские боги» никогда не были забываемы. Каждое населённое место имело своего бога-покровителя, иногда нескольких богов или бога и его семью. Над всем этим возвышались почитавшиеся всеми египтянами божества солнца, месяца, неба, земли, Нила, растительной силы земли, наконец, божества смерти и усопших. Все эти божества имели в разных местностях различные имена и соединялись с различными представлениями. Так, божество солнца в Эдфу имело вид крылатого солнечного диска со страшной очковой змеей спереди; это был бог Гор, поражающий своих врагов — демонов мрака и бури; в Илиополе это был Атум в человеческом образе; в Иераконполе это был тоже Гор, но в виде кобчика; представлялся он и в виде жука-скарабея, нося с ним общее имя Хепра, напоминавшее египтянам однозвучное слово для понятия бытия. Бог мёртвых в Абидосе носит имя просто «Первый из Западных»; в Саккаре это был Сокар, представлявшийся в виде кобчика или мумии с головой этой птицы; в Фивах была корова богини Хатхор и змея богини «Любящий молчание», в Ираклеополе соответствующее божество

именовалось Хершефи и т. п. Одновременно солнце, например, почиталось под своим общим именем Ра, месяц — Иах, Нил — Хапи и т. п. Рано началось отождествление космических божеств с местными и общими. Таким образом, первые иногда суживаются, вторые расширяются, причём менее жизнеспособные или поставленные в менее благоприятные политические условия остаются в тени и даже поглощаются более могучими. Сходные божества сливаются, сохраняя свои имена в виде вереницы сложных наименований, например: «Птах-Сокар-Осирис» или «Ра-Атум-Хепра-Гор» и т. п. Появляется представление об их тождестве, и отсюда недалеко и подступы к проблескам монотеизма. Развитие государственности и объединение страны под единой сильной властью фараона могущественно содействовало ходу этого процесса — на небо переносились земные условия: и там имеется свой «царь богов», окружённый сонмом небожителей, составляющих его двор; при нём штат сановников из тех же богов, семья и т. п. Он царит над всей вселенной, как фараон, ведёт войны, творит суд; утомившись, передаёт власть по наследству — ещё Манефон говорит о «династиях богов». Жрецы важнейших храмов уже рано привели эти представления в некоторую систему, сопоставив божества как местные, так и космические, как

солнечные, так и земные, сгруппировав их в триады и эннеады, объединив их мифы и согласив представления. Наибольшей известностью и влиянием на другие попытки этого рода имела богословская система, выработанная в священном городе севера — Илиополе (др.-егип. Он). Здесь местный бог Атум был отождествлён с богом Солнца — Ра, который сам из себя произвёл пару богов: воздуха — Шу и влаги — Тефнут, которые родили следующую пару — бога земли Геба и богиню неба Нут, от которых произошли другие божества, но, главным образом, две пары — Осирис и Исида, Сетх и Нефтида. Эти девять богов составляли так называемую великую Эннеаду; другие были сгруппированы в две других, но имена их не перечисляются. Эннеада составляет по теории единое тело, отдельные члены его даже именуется частями тела или перстами верховного бога. Ра создал мир и был первым царём богов и людей; при нём состоит визирем премудрый Тот, бог месяца, а следовательно, меры и числа, грамоты, изобретатель иероглифического письма «владыка слова Божия», т. е. письменности и словесности, откровения, покровитель людей письменной трости — чиновников, писателей, учёных, книг, организатор культа. Его главным местом почитания был Ермополь (греки сопоставили его с Гермесом) в среднем Египте, где он представлялся в виде

ибиса или павиана, или человека с головой ибиса. Жрецы соседнего великого храма — бога Птаха в Мемфисе не могли поступиться верховенством своего бога — первоначально хтонического и представляющегося в форме мумии, впоследствии получившего ещё значение покровителя ремёсел и искусств, ибо во владении его храма находились моккатамские каменоломни Турра, доставлявшие материал для пирамид, гробниц и статуй. Они учили, что из Птаха до создания мира излилось восемь других Птахов, сделавшихся создателями всего сущего. Два из них — Нун и Нунет — были божествами хаоса, родителями илиопольского Ра-Атума, третий, Птах, был «сердцем и языком» Эннеады, т. е. Гором и Тотом, разумом и словом, управляющими всеми вещами, всяким действием и движением. Таким образом, здешняя Эннеада составлена для конкуренции с илиопольской, причём сам верховный бог последней Ра-Атум произведён от неё и в неё включён и древний Гор, и бог Ермополя Тот, и все члены Эннеады объявлены тождественными с Птахом, а Мемфис местом, где происходили все главнейшие мифологические события. В других религиозных центрах делали проще — во главе Эннеады, заимствованной большей частью из Илиополя, ставили местное божество, отождествляя его с солнечным богом Ра-Атумом. Это божество, мужское или женское,

считалось творцом и промыслителем мира, сохраняя и своё прежнее специальное значение, которое, однако, нередко терпело изменения. Так, в Саисе в Дельте местная богиня Нейт, первоначально богиня войны, изображалась в виде фетиша — щита с перекрещивающимися стрелами. Потом этот фетиш сделался её иероглифом и мало-помалу получил вид челнока при тканье, а богиня сопоставлена с ткацким искусством, но в высшем смысле — она соткала вселенную; наконец, она стала и богиней Неба, и богиней материи, из которой воссияло солнце — «она родила Ра первородно, когда ещё не было рождений». Бог Хнум, почитавшийся на Элефантине, в Бени Хасане и др. местностях под видом овна, был, по-видимому, первоначально одним из нильских богов, стал демиургом, создавшим людей из глины: в поздние эпохи он был предметом сложных богословских построений — это «дух Ра», предвечный, даже высший, чем Ра, расчленитель хаоса, разделитель стихий, создатель всего сущего, из него, отождествлённого с древним богом, почитаемым в Мендесе под видом овна и просто именуемым «Овен, владыка Мендеса», истекли четыре других овна — Ра в Элефантине, Шу — в Латополе, Осириса — в Инселесе, Геба — в Херурте. В греческой форме Кнеф — это совершенно пантеистическое божество особенно

излюбленное гностиками. Исида, в классическое время бывшая только супругой Осириса и матерью Гора, приобретает мало-помалу значение как «великая волшебница», а в поздние эпохи — как великая Космическая богиня, и в неё вливаются другие богини. Хатхор, почитавшаяся, главным образом, в Дендере и в западной части Фив, большею частью под видом коровы, бывшей одним из символов неба, опирающаяся на четыре столба, вероятно, носила имя, близкое по созвучию значения с азиатскими богинями: Астартой, Истар, Аттар, но египтяне объяснили его, как «дом Гора» (Хат-Хор) и объявили супругой Гора Эдфуского и т. п. Но особенно сложна история представлений о самом Горе, который, по-видимому, соединил в себе несколько разнородных божеств. В архаический период это был верховный бог солнца, победитель врагов света и царя, отец и покровитель последнего; наряду с ним существует даже не включённый в великую илиопольскую Эннеаду Гор, сын Осириса и Исиды, богов хтонических, имеющий одной из своих форм «Гора младенца» — Харпехрота, греч., Гарпократа. отождествление этих божеств произошло, вероятно, на почве мифов. Египетская мифология была богата, но до нас дошли лишь её случайные обрывки. Несомненно, вокруг каждого божества и в каждом религиозном центре существовал цикл священных

показаний, но до нас уцелели только намёки на них в гимнах и мифических текстах, иногда, впрочем, сохранились и отдельные мифы.

Различны были космогонические представления египтян. Мы можем найти среди них и учение о мировом яйце, и о создании словом и просто звуком («он отверз уста среди молчания; он первый воскликнул, когда земля была безмолвна; крик его обошёл её»), о гончарном круге, на котором творец вылепил людей и т. п. В Илиополе учили, что бог Солнца поднялся из первобытного хаоса, отца всего сущего «Нун», в виде младенца вышел из цветка лотоса; потом он сам из себя или от своей собственной тени произвёл пару Шу и Тэфнут, от которой естественным путём родились Геб и Нут, родившие остальных богов. Люди произошли из ока верховного бога, от творческой силы его слёз; он отверз очи свои и стал смотреть ими, тогда засиял свет для людей — светила являются глазами верховного божества. Бог Ра царствовал над созданной им вселенной, как фараон, но состарился, и люди стали непокорны, особенно когда премудрая Исида выпытала от него таинственное имя и тем приобрела над ним власть. Другая богиня — свирепая Хатхор истребила бы непокорное человечество, если бы Ра вовремя не остановил её, а сам не удалился на небо, предоставив царство по очереди происшедшим от

него парам богов, пока престол не перешёл к Осирису и Исиде. Эта благодетельная пара заботилась о насаждении среди людей добрых нравов, порядка, культурной жизни, богопочитания; Осирис получил за это имя «Уннофр» (Онуфрий), что значит «Благой». Но ему завидовал его злой и сильный брат Сетх, который, пользуясь его отсутствием, захватил власть, а после его возвращения умертвил его. Исида нашла его разрубленное и раскиданное тело, оживила его, зачала от него сына Гора, которого родила и воспитывала в болотах, скрываясь от Сетха и охраняемая благожелательными божествами. Возмужав, Гор победил Сетха и судился с ним в Илиополе, где боги и премудрый Тот оправдали его и разделили между ним и Сетхом Египет, отдав последнему Верхний Египет, а ему Дельту. Сам Осирис не остался на земле, а сделался владыкой загробного мира, и сначала царь, а потом и всякий усопший, желавший получить вечное блаженство, должен был уподобиться ему, подвергнуться тем же погребальным обрядам, тому же бальзамированию и знать те же магические формулы, которые были применены к Осирису его погребателями — Анубисом и Тотом; всякий покойник к началу эпохи Среднего царства именовался «Осирис имярек». Представление об Осирисе одного порядка с семитическими и малоазиатскими о юном

страждущем божестве живительной силы земли, выражающейся в растительности, особенно хлебных злаков. Один из гимнов в честь этого бога восклицает: «Ра сияет над телом твоим... и плачет над тобой... Выходит Нил из пота рук твоих... и божественное то, чем живут люди — деревья, травы, тростник, ячмень, пшеница, плодовые деревья. Если копают каналы или строят храмы, дома, влекут памятники, обрабатывают поля... всё это на тебе... Ты — отец и мать всех людей, они живы от твоего дыхания, они едят от плоти твоей. Предвечный имя твое». — Здесь Осирис выступает совершенно земным богом, но верховный бог Солнца приведён с ним в тесную связь — он плачет по нём и сияет над его телом; в другом тексте мы читаем, что «сияние лучей его покоится на нём», как бы «соединяя отца с сыном». И это было задачей египетского богословия, стремление к разрешению которой стоит в связи с монотеистическими порывами, для которых слияние бога света и бога хтонического было, конечно, трудной, но весьма важной проблемой, т. к. Ра был верховным богом, знаменем высших достижений, Осирис — наиболее популярный и дорогой бог народной религии. И египетское богословие пыталось даже иконографически объединить эти два центральных образа, представляя Ра в виде Осирисовой мумии с головой

кобчика и диском солнца на ней и именуя его Ра — Гором горизонта — Атумом — Осирисом. Помощь отчасти оказало то обстоятельство, что и в мифе Ра, и в мифе Осириса есть элемент борьбы. Ра борется со змием Апопом, олицетворением мрака, который поджидает его в каждую ночь во время его путешествия в своей ладье по потустороннему миру; Осирис, в лице сына своего Гора, борется с Сетхом, олицетворением бури и непогоды; Гор, сын Осириса, смешивается с древним солнечным Гором и сопоставляется с самим Ра, да и Осирис иногда, особенно в позднее время, получает характер божества ночного солнца или месяца, сохраняя характер хтонического, не нильского божества. Борьба света с мраком, плодородия с неблагоприятными атмосферическими явлениями, смешавшись в представлениях народа, мало-помалу из космической стала превращаться в этическую. Ра и Осирис сделались олицетворением и носителями света нравственного, покровителями правды и вообще лучших сторон человеческой души; Апоп и Сетх, первоначально безразличные в этом отношении, установятся олицетворением злого начала, своего рода дьяволами. Эта дуалистическая черта в египетской религии с достаточной определённой проявляется уже в довольно позднее время, но этический элемент в ней заметен уже давно и находится в несомненной связи с

религией Осириса, бога семейного и общественного уклада жизни, прообраза любящего супруга и первого, вкусившего несправедную смерть, как земнородный, сын бога земли, чтобы, как сын неба и солнца, снова вернуться к жизни и удостоить той же участи всех своих присных. Необычайно обильны и плодотворны были сделанные из этих представлений выводы, мягкость и нежность семейных отношений поражает и в искусстве, и в литературе — бесчисленные супружеские и семейные группы сидящих египтян, причём жена обнимает руку мужа или кладёт свою руку на его плечо; в надписях она наделяется хвалебными эпитетами; для путника, заброшенного на остров, благодетельный дух последнего не может найти лучшего утешения, чем уверение: «если у тебя сильно сокрушение сердца, то знай — ты обнимешь твоих детей и поцелуешь твою жену и увидишь твой дом — ведь это прекраснее всего на свете». Почтение к родителям было одной из главных добродетелей.

«Должен человек подражать тому, что совершил отец его», — говорит один вельможа, который хвалится и тем, что он «дал жить именам отцов своих, найдя их изгладившимися над входами (в гробницах)... как сын изрядный, увековечивающий имена своих предков». И в данном случае прообразом почтительного сына

является Гор, борец за своего отца Осириса, ожививший его тем, что самоотверженно дал ему вкусить своё собственное, исторгнутое Сетхом и с трудом найденное око, которое с этих пор сделалось богословским термином для понятия жертвенных даров богам и приношений усопшим. Боги милостивы и правосудны, и во всей жизни и египтянина, и его народа, несмотря на все уклонения в первой и нестроения во второй, приходит неуклонное стремление к облегчению участи меньшего брата и к правде и справедливости. «Я творил то, что боги любят и люди хвалят»; «твори правду для владыки Правды» — наиболее частые изречения, свидетельствующие о связи египетской религии с нравственными требованиями; едва ли можно ставить народу глубочайшей древности упрёк в том, что он не возвысился до представления об абсолютной ценности правды и до чувства долга безотносительно к их внешней оценке и воздаянию за них в сей жизни в будущей. Среди беззакония власть имущих и неправосудия несчастный и обиженный взирает на первого царя земли — Ра и его визиря, премудрого и правосудного Тота и повторяет: «Правда пребывает вовек, она сходит с тем, кто её творит, в Некрополь; его положат во гробе и погребут, а имя его не изгладится на земле, и его будут помнить за доброе», — таково правило

Слова Божия...; слово, вышедшее из уст самого Ра: «Говори правду, твори правду, ибо она — великое, она большее, она — пребывающее. Дурное дело не приводит к цели, мой же корабль достигнет берега. Нет друга у глухого к правде, нет радостного дня для корыстолюбца». Вельможа в своей гробнице не забывал напомнить, что он был «любим отцом, хвалим матерью, возлюблен братьями, давал хлеб голодному, одеяние нагому...; не говорил никогда сильному человеку ничего дурного ни про кого, ибо хотел, чтобы в себе было хорошо у великого бога», или, как говорит другой, правда, живший несколькими веками позже, вельможа: «Я не говорю никому неправды, ибо я знаю, что Бог среди людей, и я ощущаю его». Ещё позже высказывается один египтянин: «Я кормил людей в моём доме... я давал мои руки разбитым, чтобы дать им питание. Я не лгу и не говорю неправды... нет порока в деяниях моих. Сердце человека — это его бог; сердце моё довольно тем, что я делал; оно в теле моём; я бог». И в делах государственных действует тот же принцип, поскольку, конечно, его проводники оказываются на высоте положения. Царь, потомок Гора, бог на земле, полновластный владыка страны и народа, единый полноправный жрец всех богов, как своих присных, должен был быть богом не только по всемогущему, но и по мудрости, справедливости и милосердию, и это

сознавалось лучшими фараонами, которые в своих надписях старались подчеркнуть, что они были провидением для народа. И глава египетской бюрократии, всеобъемлющий по своей деятельности визирь, должен был иметь пред собою образцом бога премудрости Тота, исполнявшего обязанности визиря Ра, когда тот царствовал над вселенной. «Должность визиря не из приятных», — говорит официальная инструкция, дававшаяся каждому, вновь назначаемому на эту должность, — «она не позволяет обращать внимание ни на князей, ни на сановников, не позволяет делать рабов из кого-либо... Всякому должна быть оказана справедливость, ибо визирь у всех на виду — вода и ветер разглашают всё, что он делает... Богу ненавистно лицепрятие... Князя боятся, но уважение к нему бывает только тогда, если он творит правду, ибо если кто-либо часто действует страхом, то, по мнению людей, он не совсем прав, и о нём не скажут: «это — человек». Но не только здесь на земле бог награждает за правду и добродетель — человека ждёт отчёт о жизни за гробом. Представление о загробном суде развилось не сразу и окончательно установилось только в эпохе Нового царства, но идея воздаяния за добрые и злые дела по смерти была известна уже в очень древнее время. Бог Ра и его Эннеада представлялись судьями, заседающими в особой

зале, где взвешивалось на весах сердце покойного, потом в роли судьи выступал обыкновенно Осирис как бог преисподней. Первоначально цари, как его потомки, бывшие при жизни Горами, по смерти делались Осирисами и отходили к своему первообразу, сливаясь с ним, хотя ещё более древняя стадия представлений указывает здесь на Ра, как на первообраз, к которому отходит умерший земной владыка. Над телом царя должны быть совершены те же обряды и церемонии, которые некогда были совершены над Осирисом; они возвращали ему жизнь и превращали его в «дух совершенный», переселяли его в вечные обители, причём, заупокойные дары и жертвы считались необходимыми для продолжения этой жизни и для предотвращения вторичной смерти. Здесь мы уже встречаемся с тем элементом египетского религиозного быта, который, являясь пережитком первобытной стадии, постоянно стоял на пути развития более высших этических представлений. Загробное благополучие связывалось первоначально не с нравственными качествами, а с отправлением заупокойного культа и правильным поступлением на гробничный алтарь жертвенных даров. И если для царя, как бога, можно было и не требовать нравственных критериев, то впоследствии, когда представления о загробной участи демократизовались, и Осирисами стали

делаться все умершие, нравственному элементу стала угрожать серьёзная опасность со стороны магии. Дело в том, что заупокойный культ был магическим. Все церемонии сопровождались возгласами и формулами, действенность которых основывалась на вере в силу слова, особенно сильную у египтян. И в уста самого умершего влагались формулы, которые он должен был правильно произносить, чтобы, отражая своих многочисленных загробных врагов, которые были и у Осириса, преодолевая препятствия, проходя чрез врата и мимо чудовищ, переплывая водяные и огненные озёра, или поднимаясь по лестницам, достигать вечных блаженных обителей. Сборники этих формул росли непомерно; для облегчения умершего их стали записывать: впервые они появляются на стенах пирамид царей конца V и VI династий, представляя собой древнейший памятник религиозной литературы человечества; потом, перестав быть привилегией царей, они переходят на стенки гробов, наконец, в эпоху Нового царства, их пишут на свитках папируса и кладут в гробы. Это так называемая Книга Мёртвых, в которой попытались совместить нравственный элемент с магическим — в числе её 180 с лишком «глав» или формул оказывается рисунок загробного суда и «исповедание» праведности — в уста умершего влагается перечень грехов, которых он не совершил

на земле. Но это совмещение было триумфом магии — она подчинила себе выработанное высшими устремлениями духа представление о загробном суде, превратив его в магическую формулу и обезопасив грешника от грозящей ему участи — называя имена своих судей, он делал их бессильными, магически утверждая, что он не творил греха, он оказывался непричастным ему; имея при себе рисунок суда и взвешивания сердца, которое в нём всегда должно было быть найдено выдержавшим испытание, тем более, что и для этого существовали особые формулы, он мог не бояться результата взвешивания. Трудно сказать, что для покойника представлялось более важным — сердечная чистота или исправное поступление жертвенных даров. По крайней мере, во всё время существования египетской религии мы видим на надгробных надписях так называемые заупокойные или жертвенные формулы, магически через царя, как единого полноправного распределителя всех земных благ и жреца, передающие яства и пития умершему: «Да даст царь дары Анубису и Осирису... 1000 быков, 1000 птиц, 1000 пива, 1000 хлебов и всяких хороших и чистых вещей, от которых живут боги... духу имярек». Уже самого прочтения этой формулы с упоминанием имени покойного было достаточно для того, чтобы он получил просимое, тем более,

что оно было изображено на его надгробной плите пред его собственным изображением с простёртой рукой к дарам; а простёртость руки превращала, как гласит одна надпись, все изображения в реальные. В надписях мы постоянно читаем настойчивую, обращённую ко всем мимо ходящим, просьбу прочесть эту формулу, ибо «живут усопшие от поминания имён их»; читающий не причиняет себе труда, но делает доброе дело, за которое его наградит бог. Один современник уже греко-римской эпохи так трогательно и своеобразно просит проходящих мимо своей гробницы, красноречиво подчёркивая одинаковую в меньшей мере важность заупокойного культа и добродетельной жизни: «У меня не было наследника, чтобы произнести у врат гробницы заупокойную формулу, ... никого, кто бы... справил моё погребение и дал мне воду, как делает сын для отца. Я был благородный в моём городе, но не имел дочерей, которые бы плакали по мне в день плача... А я был чист, ходил по воле своего бога, неустанно служил ему... не было обретено во мне греха, моим отвращением была неправда... но если человек не имеет потомства, то о деяниях его не думают, его имени не называют — как будто он никогда и не жил. Я — дерево, вырванное с корнем... Посему прошу вас произнести за меня заупокойную формулу, как живущих теперь, так и

тех, кто будет жить впоследствии. Сердце ваше не будет этим утомлено, гортань не сузится, язык не устанет, достояние не израсходуется, житница не опустеет, ибо это лишь дуновение уст, полезное для усопшего». Вопросы загробного бытия ни в одной религии не занимали такого места, как в египетской, в этом сила последней и секрет её влияния на другие, но противоречия, в которых она запуталась именно в этой области, были причиной того, что и в её недрах оказались возможны течения, шедшие против традиционных представлений; доходившие до скепсиса и отрицания действительности заупокойного культа и даже возвысившиеся до грандиозной попытки реформировать всю религию. Но культ усопших и их боги — Осирис — оказывался всегда сильнее; он слишком был дорог массе населения. Образ юного бога, умершего и ожившего, был дорог народу, который чувствовал себя ближе к нему, чем к высоким, но богословским богам света. Он любил его мистерии, во время которых драматически представлялась его история и некоторые части которых, справлявшиеся вне храма, были ему доступны. Во многих египетских священных центрах совершались эти мистерии, изображавшие ежегодное умирание и оживление божества, олицетворявшего живительную силу земли, его выхода против врагов, его убиение, и трогательный

плач по нему его сестёр и супруги, его торжество... И сколько египтян, погребённых в одном из главных мест этих мистерий — в Абидосе, просит богов в своих надписях, удостоить их и по смерти быть зрителями и участниками этих спасительных церемоний.

Итак, египтянин любил жизнь всем существом своим и не мог помириться с мыслью о смерти; это он тысячу раз подчёркивал в надписях на гробницах, это уже заставляло его всегда думать о смерти, о способах преодоления её. И египтяне достигли цели — они победили смерть; их культура воскресла из их гробниц, их покойники до сих пор пред нами в виде своих мумий, своих статуй, во всей своей земной обстановке; они даже говорят с нами со стен своих гробниц и с камней своих надгробных надписей. Все египетские города имели в западной части некрополи, дающие для науки неисчислимые сокровища и наполняющие музеи и вскрывающие перед нами верования создавшего их народа о загробной участи, и средства, которые он считал действительными для достижения бессмертия. Человек состоял из нескольких «форм бытия». Кроме тела и души, представлявшейся, как у целого ряда других народов, в виде птицы с головой человека, он обладал ещё духом, силой или, может быть, «образом», тенью, особенно же «Ка» — олицетворённой жизненной силой, может

быть, гением-хранителем или, как полагал Масперо, — просто двойником, рождающимся вместе со своим носителем. У царей и богов было по нескольку душ «баи» и «Ка»; цари даже имели особые имена для своих «Ка». Множественное число «души» у царей и богов означало «силу», а термин «Души Ра» употреблялся для обозначения священных книг, имеющих магическую силу. Все элементы организации должны были быть сохранены для достижения бессмертия. О душе заботились боги — она отходила на небо, на перепутье богиня Хатхор или Нут с древа жизни проливала ей воду и подавала дары. «Дай дыхание ноздрям моим, воду душе моей, да насыщусь я от даров твоей божественной трапезы» — молится умерший Рамсес III. Заупокойные жертвоприношения имели в виду «Ка», что же касается тела, то оно «отдавалось Анубису», для бальзамирования и погребения. Его сохранение было необходимо, но о настоящих мумиях можно говорить только с эпохи Нового царства; раньше они хрупки и плохо сопротивляются времени. Погребение — сложный магический ритуал, имеющий целью превратить умершего в ожившего Осириса, повторяя над ним то, что некогда Анубис и Тот совершили над телом «Благого Бога». Обряды, сопровождавшиеся магическими формулами, возвращали его телесным членам

утраченные способности; особым инструментом отверзались его уста, чтобы он говорил и ел; каждения и окропления вновь вводили в него жизненную силу и утраченные жидкости и т. п. Даже сохранением прекрасных плачей сестёр Осириса мы обязаны заупокойному папирусу, так как они не только выражали скорбь, но и имели магическое действие, служа для оживления усопшего, а то, что послужило для Осириса, было полезно и для всякого покойника, превращаемого в Осириса. Но в загробном мире погребённый по ритуалу и прошедший чрез все мытарства и суд делался не только Осирисом, но и служителем «Гора» со всеми его преимуществами — получал место в «Полях Иалу», где пожинал пшеницу выше своего роста, мог «выходить днём» на землю, принимая разные формы, мог, по другому представлению, сопровождать бога Света в его суточном пути, находясь в «ладье миллионов» — и это было самым его заветным желанием. Лицезреть непрестанно свет значило для египтянина то же, что для нас «спастись».

Погребальный Осирисов ритуал оказал влияние и на культ других богов. До нас дошли ритуальные книги храмов Амона и Мут, Абидосского храма и др., из которых ясен магический характер египетского культа. До 60 церемоний, сопровождаемых магическими

изречениями, предписывалось совершать на заре каждого дня пред ковчегом с изображением божества, собрав его члены, окадив, окропив, облачив, открыв уста, возвратив ему утраченное или исторгнутое око Гора, поднеся ему жертвенные дары и их одухотворение — Статуэтку богини Правды (Маат), «ибо бог ею живёт». Таким образом, и боги для поддержания своего бессмертия нуждаются в сложном культе, представляющем в значительной степени подобие заупокойного. Но и вообще египетский культ как ежедневный, так и праздничный, имел целью не столько общение человека с божеством, сколько его содействие богу, облегчение его дела. Так, кровавые жертвоприношения уже в древние времена имели характер не только поднесения божеству яств, но и уничтожения его врагов, причём жертвенные животные были символами врагов света, похитивших священное око и т. п. Это представление особенно развилось к последним временам египетской культуры, почти вытеснив идею питания божества; если оно и представлялось потребляющим жертву, то с целью совершенного уничтожения врагов. «Ешь их плоть и пей их кровь, это подобие врагов твоих». Наряду с этим совершались особые обряды «заклания Апопа», «убиения крокодила», «гиппопотама», «попрания рыб» и т. п., сопровождаемые чтениями магических

книг, — всё это должно было облегчить борьбу света с мраком, содействовать богу в его охране мирового порядка и т. п. И мистерии Осириса имели то же значение, равно как и описанные Геродотом празднества в Буто. Другие церемонии воспроизводили события из истории богов, что, ввиду связи их с жизнью природы, имело опять-таки то же значение. Весёлые празднества в Дендера и Эдфу, когда Гор и Хатхор по Нилу посещали друг друга, также сопровождались обрядами символическими, представляющими воцарение Гора и победу его над врагами.

Глава II

Утро египетской цивилизации

Начало Египетского государства, по последним хронологическим изысканиям, следует относить, самое позднее, ко второй половине четвёртого тысячелетия до Р. Х. На которое тысячелетие может падать зарождение культуры, подготовившей образование этого государства? Если мы даже оставим в стороне огромные цифры, приводимые учёными, занимавшимися геологической историей Нильской долины, всё же должны будем признать, что много веков подготовило египтян к их великому историческому будущему, тем более, что уже к концу V

тысячелетия должно быть отнесено появление их календаря, как результата, вызванного земледельческими потребностями наблюдения неба.

Фл. Питри, а ещё раньше Швейнфурт, собрали в Египте, особенно же в местности Фив большие коллекции каменного века, классифицировали находки и сопоставили их с соответствующими в Европе. Швейнфурт исследовал 38 местностей в окрестностях Фив на площади более 30 вёрст в окружности, в поисках произведений эпохи эолита и палеолита. К северу от царских гробниц залежи эолита обнаружены на глубине 50 метров от поверхности массива, изобилуя первобытными орудиями, относящимися ко времени до начала четверичного периода. Террасы среднечетвертичного периода доставили также богатые находки эолитов. Эолиты озёрных залежей нижнечетвертичного периода доходят вверх до эпохи месвинской индустрии, а терраса среднечетвертичного (терраса Курны) не включает в себе обработанного кремня позднее эпохи переходной от месвинской к шельской индустрии, названной Rutot стрепийской. На высотах, господствующих над Фивами с северо-запада, найдены также кремневые кинжалы северозшельского типа. Эти памятники палеолита (шельской и северозшельской) в Фивах находятся

на поверхности почвы; Фаюм особенно богат находками солютрейского типа. Вообще же предметов представленных периодами эолита и палеолита в прекрасном, чистом виде найдены тысячи, и они совершенно аналогичны находимым в Европе, что доказал Фл. Питри, сопоставив на таблицах кремневые орудия, найденные в Европе и в Египте, по периодам, установленным для первых.

С 1895 г. благодаря исследованиям Амелино, Фл. Питри, Квибелля, де Моргана, Райзнера и др., археологическая наука стала располагать богатым материалом эпохи неолита и хальколита. На протяжении всего Египта и в Нубии стали находить многочисленные кладбища, с большим количеством тесно погребённых в овальных ямах или глиняных ящиках костяков в скорченном виде (так называемом эмбриональном положении) на левом боку. С ними найдены глиняные и каменные сосуды, кремневые ножи и наконечники стрел, более совершенной и даже изящной обработки, пластинки из шифера в форме слонов, страусов, черепах, рыб, ромбов, и т. п., очевидно, служившие для растирания красок, которыми раскрашивали тело. Мало-помалу появляются и предметы из синайской меди. Сосуды из твёрдых пород камня поражают изяществом работы, глиняные разнообразных форм иногда имеют на себе примитивные рисунки, изображающие сцены

охоты, борьбы, животных, растений, судов и целых флотилий и т. п. Статуэтки людей и фигурки животных из кремня, глины, камня, эмалированной глины и т. п., также попадаются в изобилии от крайне грубых до обнаруживающих известное развитие и предвещающих художественные дарования народа. Женские фигуры иногда нагие или с усиленно подчёркнутой африканской особенностью — необычайной полнотой нижних членов, так называемой стеатопигией, наблюдаемой теперь у готтентотов и столь характерно изображённой древними египтянами на барельефе храма Дейр-аль-Бахри у царицы и царевны земли Пунт. Мужские статуэтки иногда с бородами. Статуэтки эти, равно как и фигурки животных и росписи на сосудах, служили для религиозных, магических целей и для целей потустороннего бытия. Многочисленные, иногда со вкусом орнаментированные предметы обихода — гребёнки, части мебели, орудия, также клались для загробного употребления. Погребения такого типа продолжали существовать долгое время в историческую эпоху вдали от центров религии и государственности тогда, когда в последних жизнь успела уже выработать другие формы. В Нубии, например, эти доисторические погребения встречаются ещё в фиванскую эпоху. Исследования черепов богатых результатов раскопок Райзнера в

Naga-ed-Der в северной Нубии, произведённые Elliot Smith в связи с находками в собственном Египте, привели этого учёного к выводу, что додинастические египтяне антропологически не тождественны с династическими, тип которых заставляет говорить о влиянии какой-то новой расы, как он полагает, северной. Может быть, осторожнее было бы видеть здесь последствия новых переселений семитического элемента из Азии, принёсшего с собою новые формы государственности и религии. Что касается додинастического населения, то его способ погребения находит себе аналогии среди ливийцев и других племён Африки. Фл. Питри извлёк из этнографической литературы более шестидесяти пунктов, указывающих на аналогии в религиозных представлениях, обрядах, быте и т. п. между египтянами и африканскими племенами. Некоторые из них действительно убедительны, но большинство может быть объяснено как случайные совпадения; кроме того, все они наблюдались у жителей западной Африки. Более обращают на себя внимание аналогии, замечаемые между костюмом ливийцев и нарядом фараонов. На стенах погребального храма царя V династии Сахура мы видим у ливийских пленников на лбу причёску — прототип змеи «урея» на челе египетского царя, как богини, попяляющей его врагов, сзади — хвост,

который, хотя и в несколько отличной форме носили и фараоны, бороду, напоминающую привязную бородку фараонов и т. п.

Египетское государство сложилось ещё в конце неолитического периода. Единой монархии предшествовало существование двух отдельных самостоятельных царств — Верхнеегипетского и Дельты; память о соединённых личной унией двух половинах сохранилась до самого конца египетской культуры в титуле фараонов, которые именовались, как цари юга — «нисут», а севера — «бисти», носили или различные короны: на юге — белую, на севере — красную, или две соединённых (так наз. «псхент»); двойственность оставила следы и в администрации, и в религиозных церемониях. Возможно, что каждое из двух царств, в свою очередь, сложилось из отдельных областей, называвшихся «сепат» или «хесп» по-египетски, и «номи» — в греческое время, имевших свои средоточия в городах, с местными божествами и культами и именовавшимися большей частью по этим городам. Названия их весьма часто очень древнего происхождения и не всегда для нас уже понятны; их иероглифические изображения сделались как бы гербами областей. Эти обозначения иногда уже сами по себе указывают на временную борьбу номов в глубокой древности. Так, над знаком, обозначающим ном, иногда стоит

изображение кобчика — символическое выражение подчинения этого нома тому, в котором почиталась эта священная птица бога Гора, покровителя династии объединителей Египта. Иногда в роли кобчика является обозначение какого-либо другого нома, подчинившего область и символически изобразившего своё верховенство. В некоторых случаях изображения указывают на религиозные сближения. Так, целый ряд смежных нижеегипетских номов рядом со своими обозначениями имеет изображение быка — вероятно, этим выражается их объединение на почве культа этого священного животного и т. п.

Объединение южного Египта произошло около г. Нехебта, в котором почиталась одноимённая с ним богиня в виде коршуна, впоследствии покровительница Верхнего Египта, и соседнего с ним Нехена, где богом был покровитель династии Гор, почитавшийся в виде кобчика, откуда в греческое время оба города были названы Иеранконполем (ныне Эль-Каб) и Элейтиасполем. К югу находился ном «Восшествие Гора», уже имя которого указывает на то, что здесь помещали его воцарение; центр этого нома г. Эдфу был одним из главных центров культа этого божества; отсюда он в виде крылатого солнечного диска устремился против врагов своих, противников света, и покорил своей власти Египет, и прежде всего г. Нубт (Омб),